

**«ПРОБА ПЕРА» ИНТЕЛЛЕКТУАЛА ВО ВЛАСТИ:
НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРОЕКТ ДЖЕРЕМИ БЕНТАМА**

В статье рассматривается малоизвестный в отечественной научной литературе трактат Д. Бентама «Обзор законопроекта о принудительных работах» (1778), который представляет собой первый практический опыт законотворчества философа-утилитариста. В комментариях к законопроекту, предположительно авторства У. Идена и У. Блэкстона, Д. Бентам выдвигает рациональные инициативы оптимизации использования принудительного труда как меры наказания и исправления, многие из которых будут использованы пенитенциарными реформаторами XIX в.

Ключевые слова: Великобритания, XVIII в., пенитенциарные реформы, Джереми Бентам, принудительный труд.

В последней четверти XVIII в. упрочилась вера в торжество прогрессивной культуры, в достижимость «наибольшего счастья наибольшего числа людей». Твердая убежденность в безграничных возможностях социального прогресса, просвещенческий оптимизм, отдающий приоритет рационализму и эмпиризму, «заразили» интеллектуальную часть общества и дали импульс широким социальным реформам и проектам. Утверждение принципов утилитаризма, сопряженное с подъемом науки и приходом рационализма и эмпиризма в сферы, где ранее господствовала религия, неразрывно связано с именем философа-моралиста, правоведа и публициста Джереми Бентама.

Интеллектуальное наследие Д. Бентама, который прожил долгую, наполненную титаническим трудом мысли жизнь, кажется неиссякаемым. Один из первых в отечественной историографии биографов Д. Бентама П. Левенсон отозвался следующим образом: «Не было ни одной отрасли права, ни одной стороны государственного или политической экономии, где авторитетный голос Бентама не явился бы решающим и желанным... Чтобы судить о значении этого неутомимого работника, не отмежевавшего себе определенной специальности, надо познакомиться с его сочинениями, – в них сказался человек. Лихорадочная деятельность этого мощного ума, стремившегося к улучшению участи всех людей, согретою неисчерпаемою любовью

к человеку, требовала помощников и единомышленников, которые бы занялись детальной обработкой мыслей, набросанных их учителем. Бенхаму некогда было заниматься литературной отделкой своих произведений, он не обладал писательским талантом Беккариа, сумевшего облечь свои гуманные мысли в обаятельную форму; он раздавал свои писания, набросанные на отдельных листках, своим ученикам и друзьям, которые перерабатывали этот сырой материал для печати. Не все, что написано Бенхамом, отпечатано; много рукописей, не тронутых рукой добросовестного и умелого популяризатора, какими были Дюмон, Ромильи и другие, осталось в ящиках» [см.: Левенсон].

Представляется интересным тот факт, что до сих пор для российского исследователя остается неизвестной самая ранняя работа Джереми Бенхама по вопросам реформирования системы уголовных наказаний «Обзор законопроекта о принудительных работах, являющийся аннотацией к брошюре, озаглавленной “Проект закона о наказании тюремным заключением с принудительными работами некоторых правонарушителей и об установлении надлежащих мест для их приема”, вперемежку с замечаниями, относящимися к предмету вышеупомянутого проекта в частности, и к уголовной юстиции в целом» [см.: Bentham]. Трактат уникален еще и тем, что это первый печатный труд Бенхама с обозначенным авторством. Со своей первой работой «Фрагмент о правительстве» (1776) молодой публицист выступил анонимно, но произвел ошеломляющий эффект на читающую публику, и «ее успех все-таки открыл молодому человеку вход в лучшие дома избранного общества, сблизил его с замечательнейшими людьми Англии и Франции» [см.: Левенсон]. Вторая его работа осталась практически незамеченной не только для российских правоведов, но, что удивительно, для зарубежных исследователей. Британский историк Дж. Сэмпл посвятила трактату небольшую главу в академичном труде «Тюрьма Бенхама: исследование Паноптикона», в которой обозначила некоторое пренебрежение исследователей к ранним работам и воззрениям Д. Бенхама и «затененность» памфлета более поздним напумевшим проектом Паноптикона [Semple, p. 42]. Кроме того, автор отметила «сумбурную» внутреннюю структуру произведения, когда комментарии Бенхама практически неразделимы с пунктами законопроекта, приписываемого знаменитым законотворцам второй половины XVIII в. У. Блэкстону и У. Идену. В данной статье мы постараемся заполнить небольшую лауну в отечественной ревизии наследия великого интеллектуала и познакомить российского читателя с содержанием неизвестного ранее памфлета, который позволит установить

более раннюю отправную точку генезиса и эволюции взглядов Д. Бентама на устройство современной системы исполнения наказаний.

В 1770-е гг. общественная дискуссия о необходимости кардинальной реформы английской системы исполнения наказаний окончательно переходит в плоскость парламентской полемики и законодательных инициатив. Содержание пенитенциарной реформы конца XVIII в. стало результатом более чем двухсотлетней эволюции идеи принудительного труда как меры наказания и средства нравственного совершенствования. Возможные преимущества такого труда обращали к этой концепции представителей разных социальных групп, стремящихся к различным социальным целям. Христианская (подчас утопичная) вера в возможность «уврачевать» пороки и безнравственность трудом и религиозным образованием, меркантильные намерения обратить практику уголовного наказания на пользу стране, строгие (подчас фанатичные) пуританские убеждения «искупительной силы» физических страданий – свободное курсирование этих идей сложились к началу 1770-х гг. в устойчивую комбинацию будущей тюремной реформы. Идея *fixes* молодого парламентария У. Идена сочетать тюремное заключение с принуждением к труду в качестве наказания, «формируя, таким образом, полезную привычку» ради выгоды преступника и общества [Eden, p. 264], побудила основоположника утилитаризма Д. Бентама к первому в его карьере законодворца комментарию к проекту нормативного акта. Во введении Бентам ссылается на нашумевший труд соотечественника Джона Говарда «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе», а предложения адресует Идену и Блэкстону. «Когда я прочитал книгу мистера Говарда о тюрьмах, одной из ее уникальных идей была такая система наказания, при которой одиночное заключение может быть объединено с трудом. Это капитальное усовершенствование уголовного закона я жаждал бы увидеть... Это дало мне импульс выдвинуть усовершенствованные предложения» [Bentham, p. II–III].

Предысторию и судьбу обсуждаемого законопроекта оговорим сразу, обращая внимание на то, что он, во-первых, практически не замечен ни зарубежными, ни тем более отечественными исследователями, во-вторых, оказал большое влияние не только на первый в истории Великобритании пенитенциарный статут 1779 г., но прослеживался в содержании всех тюремных реформ XIX в. Законопроект был вызван экстраординарными обстоятельствами: с 1776 г. американский континент перестал принимать трансферы английских преступников, активно практиковавшиеся с 1718 г. в качестве «предохранительного клапана в области уголовных наказаний, который Лондон все ак-

тивнее применял» [Rothman, p. XXVII]. По оценке отечественного правоведа М. Филиппова: «Английское правительство этим было поставлено в крайнее недоразумение. Тюрем, в настоящем смысле, у него не было; возобновить смертную казнь в прежнем ее широком применении не встречалось уже возможности. Оставались два средства: строить тюрьмы на основаниях правильной тюремной системы или же – приискать новую местность для ссылки» [Филиппов, с. 4]. Лишившись привычного механизма «сбыта» криминальных элементов, английские власти стремительно приступили к решению вопроса за счет внутренних резервов «на основании правильной тюремной системы». В 1776 г. в качестве экстренной меры был принят Закон о халках – плавучих тюрьмах, организованных на старых кораблях, пришвартованных в устье Темзы, который позволил судьям в качестве наказания, альтернативного смертной казни, приговаривать преступников мужского пола к содержанию в плавучих тюрьмах с использованием их труда, например, для работ на верфях или по углублению дна Темзы. Судебная практика показала, что данная мера наказания оказалась востребованной, но, по понятным соображениям, временной и ограниченной в применении.

К разработке альтернативного законопроекта, призванного решить вставшие перед правительством проблемы, У. Иден привлек самого, пожалуй, именитого на тот период законодателя, оксфордского профессора, автора «Комментариев к законам Англии» Уильяма Блэкстона. Автор биографического исследования о Блэкстоне Д. Локмиллер считал этот эпизод привлечения профессора к разработке тюремной реформы «фазой его жизни, проигнорированной критиками» [Lockmiller, p. 128]. Разработанный в кратчайшие сроки законопроект кратко называли *Hard Labour Bill*, дословный перевод которого «Билль о каторжном труде» нуждается для русскоязычного читателя в некоторых комментариях. В традициях истории российской системы исполнения наказаний каторга обычно понимается как подневольный карательный труд в пользу казны, непременно в соединении со ссылкой в отдаленные места, где этот труд был особенно востребован. В условиях английской системы уголовных наказаний *hard labour* следует понимать скорее как «принудительный тяжелый труд», географически максимально приближенный к месту вынесения приговора. Поэтому приговор к данной мере наказания подразумевал наличие подходящего места и условий для такого труда. Изначально выдвигались предложения приспособить для данной цели уже существующие с XVI в. карательно-исправительные заведения – брайдуэллы или

дома коррекции. Билль о каторжном труде предполагал качественно новый вид исправительных учреждений *Hard-Labour Houses* – дома принудительного труда (или краткая форма *Labour Houses* – дома труда). Канадский исследователь Л. Тронесс ссылается на переписку У. Идена и У. Блэкстона, где последний использует понятия *эргастулы* (римские тюрьмы для провинившихся рабов, где выполнялись особо тяжелые работы) и *пенитенциарии* [Throness, p. 149]. Впоследствии понятие пенитенциария или исправительной тюрьмы закрепилось в содержании тюремных реформ практически всех европейских стран.

Законопроект о каторжном труде был задуман для регламентации двух практик исполнения наказаний, экстренно предложенных в качестве замены ссылки в Америку: домов принудительного труда и плавучих тюрем (халков), причем основной массив предложений (52 раздела из 68) направлен на оптимизацию домов труда. Проект предполагал возведение таких заведений «по всей Англии» с целью *исправления*, так как ни ссылка, ни существующие дома коррекции (брайдуэллы), очевидно, с этой задачей не справлялись. Дома принудительного труда планировались к постройке на удаленных от мест проживания территориях и предназначались для отбывания наказаний осужденных и «содержания честных бедняков». Вместимость домов труда для каждого округа рассчитывалась из среднегодового количества осужденных по округу, умноженного на три (что объяснялось тем, что в среднем каждый осужденный предположительно проведет в исправительном учреждении не менее трех лет). Таким образом, проект предполагал беспрецедентное масштабное возведение специализированных учреждений по всей стране, максимально приближая место исполнения наказания к месту вынесения приговора.

Трактат Д. Бентама составлен таким образом, что сначала идет раздел соответствующего законопроекта, что позволяет нам восстановить уникальный исторический документ, а затем комментарии автора – рассуждения, предложения по оптимизации, критические замечания. К примеру, Бентам постоянно обращает внимание на дихотомическую сущность уголовного наказания – кара и исправление, и стремится найти баланс этих двуединых целей. Комментируя составные части домов труда, которые предполагали обязательные «темницы или подземелья», Бентам убежден, что, «хоть законодатель ни в коем случае не должен исключать из внимания вопрос *устрашения наказанием*», он должен продумать устрашение таким образом, чтобы не вредить здоровью наказуемого (например, из-за лишения дневного света и свежего воздуха). Автор предлагает «разумно ограничить

устрашение» (интересно сопоставление эмоций от спуска в подземелье «к центру земли» с чувством религиозного ужаса от ожидания наказания в будущей жизни) и дополнить наказания такими дисциплинарными ограничениями, как строгая диета [Bentham, p. 17–20].

Заслуживают отдельного внимания рациональные суждения о средствах и источниках мотивации осужденных к труду, которые тюремный персонал должен использовать. Бентам указывает на две потенциальные выгоды от использования принудительного труда – *экономическую* и *нравственную*, последняя предполагает исправление морали осужденных приучением к целенаправленному и постоянному труду. Два общеизвестных средства мотивации к труду – *устрашение* и *вознаграждение*. Первое средство на первый взгляд более эффективно, и оно, безусловно, дешевле. Однако мыслитель предостерегает от чрезмерного устрашения осужденного наказанием в стремлении «выжать» из него максимум труда для достижения экономической выгоды. Далее идет пассаж, который обличает в молодом публицисте будущего классика утилитаризма: «Человек всегда может подавить в себе, без возможности обнаружения, значительную часть способностей, которыми он на самом деле обладает, и задушить в зародыше весь потенциал, которым он мог бы обладать в будущем. Поэтому, чтобы извлечь весь труд, который можно получить от него (осужденного. – С. В.), необходимо применять вознаграждение в помощь наказанию; не только наказывать его за то, что он не соответствует очевидной мере его способностей, но и награждать за то, что он превысил свой предел. Таким образом, обращаться к его чувствам – наиболее гуманно, и в конечно итоге более разумно и эффективно» [Ibid., p. 25–29].

Виды преступлений и сроки, назначаемые за них, определял раздел XXX: за мелкое воровство – не более двух лет, за преступления, ранее каравшиеся ссылкой, – от года до семи лет. При распределении осужденных на работу учитывались три основные характеристики: здоровье, пол и возраст. С учетом всех обстоятельств осужденные могли быть привлечены к работе двух классов, соответствующих разным степеням физической силы: первый – самая тяжелая работа (работа на мельнице со ступенчатым колесом, кузнечные, столярные, металлургические ремесла), второй класс – «менее трудоемкая работа» (изготовление мешков и веревок, прядение и вязание). Женщин предполагалось содержать раздельно с мужчинами «без права на общение, ни под каким предлогом», на ночь арестанты разводились по одиночным камерам. Во время работы было рекомендовано мини-

мальное общение осужденных между собой: если работа парная, то двое осужденных находятся в паре не более двух дней, если работа требует большего коллектива, то в мастерской постоянно находится надсмотрщик. В комментариях к первому требованию режима – раздельное содержание полов – Бентам приводит ремарки, подобных которым мы, кажется, еще не встречали у других реформаторов. Он замечает, что «у некоторых людей, особенно у мужчин, любовный аппетит настолько силен, что, не будучи удовлетворенным, способен оказывать серьезное вредное воздействие на здоровье». Таким образом, воздержание он приравнивает к дополнительному «обременению» наказания. Но тут перед ним встает дилемма: представители различных вероисповеданий по-разному воспринимают воздержание. У христиан, в особенности протестантов, похоть – грех, а удовлетворение неизбежно запрещено, поэтому, во избежание соблазнов, мужчин и женщин строго изолируют друг от друга. А вот у магометан или индуистов, к примеру, нет добродетели целомудрия, что ставит их в *неравные* условия в отношении к плотским ограничениям, чего Бентам мучительно не мог принять. Тогда, пишет он, «возможно ли было бы найти средства, не противоречащие миру этого общества, с помощью которых эти трудности могли бы быть устранены?» [Ibid., p. 49–50]. Тем не менее, строгость режима и обеспечение единых требований наказания для Бентама гораздо важнее, чем конфессиональные особенности половых отношений. Далее он резюмирует: «к счастью, природные склонности в этом случае в значительной степени подчинены положениям законодательства. Тяжелый труд, когда он не компенсируется обильным питанием, имеет сильную тенденцию уменьшать силу этих желаний, отвлекая ли внимание, или уменьшая раздражительность нервной системы, или ослабляя привычку тела; и желание, когда привычка удовлетворять его прерывается, утихает и больше не становится беспокойным» [Ibid., p. 50]. Вопрос о восприятии и ранжировании ограничений, налагаемых уголовными наказаниями, с учетом конфессиональных различий, был внесен в повестку международных пенитенциарных конгрессов только во второй половине XX в., что делает комментарий Бентам по крайней мере оригинальным для второй половины XVIII в.

Регламентируя режим труда, Д. Бентам стремится предусмотреть все нюансы: работа предполагается длиной в световой день, но тогда реформатора-прагматика заботит неравномерность трудового дня зимой и летом. Но если допустить работу зимой после захода солнца при свете специальных средств, то при проектировании и строитель-

стве дома труда надо предусмотреть, чтобы стены были преимущественно кирпичными или каменными, дабы предотвратить опасность воспламенения. Очень заботила трудолюбивого протестанта необходимость максимально занять арестантов в выходные и праздничные дни. Бентам предлагал увеличить время на прием пищи, «растянуть» богослужение (добавить к проповедям индивидуальные беседы или хоровое пение) или предоставить им другой вид занятий (ходьба, работа в саду, легкие занятия наподобие прядения или вязания, которые могут принести небольшую прибыль) [Ibid., p. 53–54]. Удивительно, но философ-прагматик скептически относится к возможности занять время чтением Библии или других благочестивых книг, которое энергично предлагали другие реформаторы, например Дж. Говард или Дж. Хэнвей. И дело даже не в том, что многие арестанты не умеют читать, а в том, «что под предлогом чтения они смогут бездельничать»: «Не имеет смысла давать указания, которые, по своей природе, не предполагают никаких доказательств их соблюдения. Невнимание к этому является обычным камнем преткновения для поверхностных реформаторов. Свидетельством того, что человек выполнил задание, является работа, которую об этом можно оценить с первого взгляда. Но что свидетельствует о том, что человек занимался чтением? Он должен представить хороший отчет о том, что прочитал. Несомненно, но таких единицы; другие же, например, даже если внимание прилежно, слабы на память. Кроме того, кто будет судить о прочитанном? Кто может найти достаточно времени, чтобы выслушать такое множество? Потребовалось бы немало учителей, чтобы превратить такое учреждение в школу» [Ibid., p. 56]. Забегая вперед, скажем, что религиозное обучение, наряду с трудовым, станет основным источником исправительно-трудовых программ в дискурсе пенитенциарных реформ XIX в. Бентам здесь демонстрирует не только секулярность мышления, но и бескомпромиссный прагматизм и реализм, немножко «куснув» христианских «поверхностных» реформаторов, которые, по его мнению, слишком идеалистически относились к воспитательным возможностям чтения благочестивых книг. В качестве ремарки заметим, что современные священнослужители в качестве одной из проблем служения в местах лишения свободы выделяют двуликое и даже лицемерное отношение ряда арестантов к религии, когда в общину вступают не ради утешения верой, а в поисках преференций в смягчении режима дня и труда и «увеливания» от прямых обязанностей.

Удивительное предвидение одного из главных векторов пенитенциарного реформизма XIX столетия находим в разделе XLII – со-

провожение осужденных после освобождения – по сути постпенитенциарный патронаж. Положение законопроекта включало в себя обеспечение бывшего арестанта гражданской одеждой и денежным содержанием в размере не более пяти фунтов или не менее сорока шиллингов, но главное, «если он вел себя хорошо во время своего заключения, сотрудники должны выдать ему соответствующее оформленное свидетельство». В комментариях Бентам пишет: «Это предложение исключительно гуманистическое и благоразумное... После изоляции осужденный снова возвращается в общество. Его прежние связи к этому времени, возможно, утрачены: смерть, изменение места жительства или вынужденный отказ от него близких; в любом случае, он, вероятно, чувствует отчуждение. Его преступление, судимость и отбывание наказания, пусть даже исправительного, у многих отобьет охоту иметь с ним дело. Между тем, если он не имеет средств к существованию, то вынужден либо сразу погрузиться в безделье, бедность и нищету, либо попрошайничать, либо голодать, либо снова встать на путь, подобный тому, что привел его к заключению, от которого он только освободился» [Ibid., p. 66–67]. Но вновь мыслитель встает перед дилеммой: допустим, справка как подтверждение его исправления поможет ему устроиться на работу. Но ведь справку дают, «если он вел себя хорошо», в противном случае, если бывший преступник покинет дом труда без такого свидетельства, для работодателя это будет равносильно «клейму» на его благонадежности. Выход законодатель-прагматик видит в следующем: или содержать его в доме труда до тех пор, пока «пока его поведение не даст ему право на такое свидетельство», или оформить на принудительную службу на суше или на море. Молодость может позволить себе идеализм, поэтому комментарий к этому разделу Бентам завершает следующим образом: «Следует надеяться, что после столь строгого и хорошо регламентированного курса исправления, предусмотренного в законопроекте, будет очень мало осужденных, которым придется отказать в соответствующем свидетельстве; но вполне уместно предусмотреть все возможные случаи» [Ibid., p. 68].

Лейтмотивом всех комментариев к законопроекту звучит идея максимально возможного уравнивания заключенных в правах. В описании практики раздельного содержания полов Бентам уже касался вопроса конфессиональных различий арестантов. В разделе XLV рассматривается проблема равноправного доступа арестантов к «благам религии». Закон 1773 г. предусматривал назначение в английские тюрьмы капелланов на обязательном содержании и предписывал исполнять ре-

лигиозные обязанности только *по обрядам англиканской церкви*. Такое ограничение действовало до 1863 г., когда впервые было разрешено принимать на должности тюремных капелланов представителей Римско-католической церкви и Церкви методистов. Но Бентам был крайне озабочен «максимальной выгодой максимального количества людей», а ведь Вольтер называл Англию островом сотни религий. Молодого законотворца волновал равноправный доступ арестантов к *своей* религии, ведь невозможно, пишет он, создавать бесконечно столько часовен, сколько сект в обществе. И может ли принадлежность к секте быть предлогом к непосещению обязательных воскресных и праздничных молитв? Но ведь тогда арестанты будут проводить это время в праздности, чего строгий законник Бентам допустить категорически не мог. Сам себе он отвечает: «я не верю, что на сегодняшний день есть какая-то секта, считающая греховным просто присутствовать на богослужении, проводимом в соответствии с обрядами англиканской церкви. Я полагаю, что таких на самом деле мало, но даже в этом случае мне думается, что лучше посещать богослужение, чем вообще ничего не делать» [Ibid., p. 74–74]. Гораздо сложнее обеспечить доступ к благам религии евреям, «с их постоянными домашними обрядами», и католикам, «с их многочисленными таинствами». Но даже здесь блестящий ум находит выход: «Единственное, что я могу придумать, чтобы потворствовать этим людям, – это иметь в королевстве по одному дому труда для всех осужденных этого вероисповедания. В таком случае, было бы разумно, если бы еврейская община брала на себя расходы конвоирования до этого учреждения. Там, кстати, могли бы тогда быть и свои раввины, и их собственные повара и мясники» [Bentham, p. 76].

Завершающие комментарии к законопроекту касаются пропагандистского оформления домов труда. Например, на входных воротах и дверях Д. Бентам предлагает разместить лозунги: «Если бы Вы были трудолюбивы, когда были свободны, то не тянули бы лямку, как рабы»; «Насилие и жульничество – дорога к рабству» [Ibid., p. 110]. Эффективность последнего девиза реформатор предлагал подкрепить визуально: по единому шаблону для всех домов труда отливаются барельеф или картина, на которой изображены волк и лиса, прикованные вместе к тяжелой телеге, и возница с кнутом. Волк – символ насилия и жестокости, лиса – хитрости и мошенничества. На заднем плане стая волков разоряет стадо овец, а лиса наблюдает за курятником как намек на то, что такая дорога все равно приведет к рабской лямке. Рассуждая о повадках животных, Бентам как вариант предлагает обезьяну в качестве «эмблемы» и ее качества «злоба, грабеж, мошенничество», но сам себе отвечает, что есть опасность при-

нять обезьяну за комический персонаж, тогда как барельеф должен иметь наглядно назидательное значение. Продолжая тему аллегорий, Бентам ссылается на описание барельефов, замеченных Джоном Говардом в исправительных домах иностранных государств: телега, запряженная двумя оленями, двумя львами и двумя кабанами с символическим смыслом: «если дикие звери могут быть приучены к ярму, мы должны попробовать воспитать неотесанных людей». Здесь он позволяет себе критику выбора животных, которые, по его мнению, прямо не олицетворяют какие-либо дурные качества [Ibid., p. 111–112].

Билль о каторжном труде не прошел парламентские слушания. В спешном порядке был подготовлен еще один законопроект, который воплотился в Первый пенитенциарный статут 1779 г. Данный закон предполагал строительство всего двух пенитенциариев нового образца, но даже эта инициатива впоследствии не получила практического воплощения ввиду ограниченности финансов и возобновления практики ссылки теперь уже на австралийский континент с 1785 г. Очевидно, что возведение домов труда в каждом округе, да еще и с расчетом на количество арестантов, втрое превышающее среднегодовое количество осужденных по округу, наверняка, представляло бы фантастическую для бюджета цифру.

Законопроект о принудительном труде не стал законом, но это удивительное выражение целого комплекса идей применения труда осужденных, компактно соединившее все философско-правовые и религиозные искания реформаторов предшествующего поколения: наказание, исправление, выгода. Для Д. Бентама это была первая практика прикладного правоведения. Молодой адвокат не так давно, к сожалению отца, завершил адвокатскую карьеру и только начинал пробовать себя в качестве теоретика законотвора. Учитывая, какой дальновидностью обладали его предложения, какой актуальностью обладают многие из них даже на сегодняшний день, можно заключить, что Бентам обрел свою миссию, которой посвятит долгую жизнь. Многие инициативы законопроекта о принудительном труде, равно как дополнения Д. Бентама, воплотились в практиках наказания во второй половине XIX – XX в. Вброшенная в таком обобщенном виде в контекст пенитенциарных реформ идея принудительного труда осужденных зазвучала в произведениях других реформаторов уже «по-бентамовски», очищенная от религиозного фанатизма или излишних меркантильных планов на «дармовой» труд осужденных. Дальнейшие интеллектуальные инициативы Д. Бентама в области исполнения уголовных наказаний воплотятся в проект идеальной тюрь-

мы – Паноптикон, который принесет правоведам заслуженную славу основоположника пенологии – науки о наказании, теоретически и практически разрабатывающей эффективные формы и меры наказания, назначаемые за совершение преступлений.

Левенсон П. Я. Иеремия Бентам : его жизнь и общественная деятельность. URL: <https://e-libra.ru/read/194223-ieremiya-bentam-ego-zhizn-i-obschestvennaya-deyatel-nost.html> (дата обращения: 01.09.2019).

Филиппов М. А. История и современное состояние карательных учреждений за границей и в России. СПб., 1873.

Bentham J. A View of the Hard-Labour Bill, Being an Abstract of a Pamphlet, Intituled “Draught of a Bill to Punish by Imprisonment and Hard-Labour, Certain Offenders; and to Establish Proper Places for their Reception”. Interspersed with Observations Relative to the Subject of the Above Draught in Particular, and to Penal Jurisprudence in General. L., 1778.

Eden W. Principles of Penal Law. L., 1771.

Lockmilller D. Sir William Blackstone. Chapel Hill, 1938.

Rothman D. J. The Discovery of the Asylum : Social Order and Disorder in the New Republic. N. Y., 1990.

Semple J. Bentham’s Prison. A study of the Panopticon Penitentiary. Oxf., 1993.

Throness L. A Protestant Purgatory : Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779. Aldershot, 2008.

Васильева Светлана Анатольевна

кандидат исторических наук,
заместитель начальника кафедры
философии и истории
Академия права и управления
Федеральной службы исполнения
наказаний
390000 Рязань, ул. Сенная, 1
E-mail: Vasi-svetlana@yandex.ru

Svetlana Vasileva

PhD (History),
Deputy Head of the Philosophy and History
Department
Academy of Penal Service of Russia
1 Sennaya Str., 390000 Ryazan, Russia
E-mail: Vasi-svetlana@yandex.ru

**Initial Experience of Law-Making:
Unknown Essay by Jeremy Bentham**

The article considers the practically unknown essay by Jeremy Bentham *A View of the Hard-Labour Bill* (1778), which was his first experience of law-making. In observations to the bill (presumably authored by W. Eden and W. Blackstone) J. Bentham proposes rational initiatives to optimize the hard labor as a punishment and correction. Many of his suggestions will be used by penitentiary reformers of the 19th century.

Keywords: Great Britain, 18th century, penitentiary reforms, Jeremy Bentham, hard labor.